

Илья Куликов

# **Сын двух отцов. Падение**



**ЛитРес: Самиздат**  
Москва

УДК 82-311.6  
ББК 84(2)6  
К90

**Куликов И.**

Сын двух отцов. Падение / Куликов И. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 232 с.

ISBN 978-5-532-93006-3

Сыновья князя Владимира Святого уже обагрили кровью родную землю в борьбе за власть. Несмотря на победу, одержанную Ярославом, его брат Святополк, прозванный сыном двух отцов, не сдался. Он готов на всё, чтобы вернуть себе Киев, за право владеть которым уже уплачена немалая цена. В яростной схватке между братьями нет места жалости, нет места милосердию. Кровь павших вопиет к отмщению. Продолжение романа о противостоянии двух братьев - Святополка и Ярослава.

# Содержание

|                    |     |
|--------------------|-----|
| Глава 1 . . . . .  | 4   |
| Глава 2 . . . . .  | 15  |
| Глава 3 . . . . .  | 26  |
| Глава 4 . . . . .  | 34  |
| Глава 5 . . . . .  | 45  |
| Глава 6 . . . . .  | 52  |
| Глава 7 . . . . .  | 60  |
| Глава 8 . . . . .  | 71  |
| Глава 9 . . . . .  | 85  |
| Глава 10 . . . . . | 94  |
| Глава 11 . . . . . | 102 |
| Глава 12 . . . . . | 110 |
| Глава 13 . . . . . | 121 |
| Глава 14 . . . . . | 129 |
| Глава 15 . . . . . | 140 |
| Глава 16 . . . . . | 147 |
| Глава 17 . . . . . | 154 |
| Глава 18 . . . . . | 162 |
| Глава 19 . . . . . | 170 |
| Глава 20 . . . . . | 178 |
| Глава 21 . . . . . | 186 |
| Глава 22 . . . . . | 193 |
| Глава 23 . . . . . | 200 |
| Глава 24 . . . . . | 210 |
| Глава 25 . . . . . | 223 |

# Глава 1

Князя Болеслава прозвали Храбрым. С годами он перестал быть могучим воином, но оставался одним из сильнейших государей. После смерти князя Владимира Святославовича Болеслав стал, пожалуй, самым могущественным славянским правителем.

Впрочем, годы не пожалели и его. В свои пятьдесят лет он настолько растолстел, что мог с трудом забраться на коня. Сначала Болеслав винил в этом неудачно сшитые одежды, затем ведьму, которая наслала на него толстоту, затем старых языческих богов. Но когда кто-нибудь начинал с князем разговор об умеренности, тот поднимал его на смех.

Трапеза была в самом разгаре.

– Бояре! – обратился Болеслав к делившим с ним пищу мужам. – До сих пор помню, как я однажды сражался с четырьмя рыцарями, набросившимися на меня. Пан Хостишко, ты ведь помнишь тот славный день?

Польские бояре всё чаще именовали себя панами, хотя ещё во времена князя Мечеслава, отца Болеслава, паном считался только Бог и князь. Пошло это с южных славянских земель, где правители селений – жуп, именовали себя жупанами.

Князь Болеслав прохладно относился к тому, что теперь почти каждый мечник именовал себя паном, но своего ближника Хостишко он сам так называл.

Пан Хостишко опустил глаза, не зная, что ответить. Он слышал эту историю много раз. Эту и другие истории, произошедшие с Болеславом в молодости.

– Это было ещё до того, как мерзкая ведьма наслала на меня толстоту, чтобы сковать моё тело. Рыцари постарались выбить меня из седла, но разве им такое под силу? Я был быстр! Господи! Как я был быстр, пан Хостишко! Я увернулся от направленного прямо в сердце копья и сначала поразил первого. Он был лет на восемь меня старше. Помню, он упал на землю и схватился руками за живот. Второго я сразил следом за первым. Оставшиеся два рыцаря, которые звали

себя благородными господами, повернули своих коней и помчались прочь. Помнишь, Хостишко, ты тогда выехал на своём гнедом скакуне? Его звали Свет. Так?

– Моего гнедого, князь? – переспросил пан Хостишко. – Нет. Светом звали вашего коня. Моего звали Тьма. Это была кобыла, и она была не гнедой, а вороной.

– Точно! – крикнул Болеслав, хлопнув себя по толстому брюху. – Ты скакал на своей вороной кобыле, а я на жеребце. Рыцари, которые похвалялись тем, что они самые лучшие воины в мире, спасались бегством, словно мы сама смерть.

Князь тяжело вздохнул и взял свой кубок. Кубок был полным. Толстяк поплескал вино и поставил его на стол.

– Умеренность. Вот вы всегда говорите, что я толст из-за неумеренности?

– Нет, князь, – ответил за всех пан Хостишко, – мы не говорим так.

Болеслав усмехнулся. Он знал, что по всем его обширным владениям только и говорят о его чревоугодии.

– Умеренность. Вот ты, пан Хостишко, помнишь моего брата Владивоя? Помнишь его? Он дня прожить не мог, если не упивался вином до беспамятства, а один стоил десятка. Вот он был неумеренным. Зато каким он был воином! Таких ещё поискать нужно.

Болеслав стыдливо посмотрел на своих сотрапезников. Умеренность. Он начал этот разговор потому, что ему хотелось ещё есть, хотя если быть умеренным, то надо покинуть трапезу. Но тогда весь оставшийся день он будет думать только о еде. Болеслав уже пробовал так поступать, но в итоге всё равно приходил в трапезную и наедался до боли в животе.

Князь отрезал ножом жирный кусок свинины и положил на блюдо. Мясной сок растекался по тарелке и вызывал у него жуткий голод. Казалось, что он не ел несколько дней. Болеслав нахмурился и окинул взглядом всех, кто сидел с ним за одним столом.

– Осуждаете? – спросил у них князь. – Считаете, что я должен был насытиться тем, что уже съел? Хорошо бедняку – он сожрал и всё. А я князь и могу есть сколько угодно. Вот проклятая ведьма!

Надо было повесить её на первом же суку. Она сделала моё брюхо ненасыщаемым!

– Князь, – робко проговорил пан Хостишко, – по твоему указу эту ведьму нашли много лет назад и отсекли ей голову. Остатки её сожгли.

– Значит, не ту нашли! Знаешь, сколько на свете ведьм, волхвов и прочих негодяев? Всех не перевешаешь. Точно кто-то из них проклял меня.

Болеслав вгрызся в мясо. Некоторое время в трапезной стояла тишина. Паны смотрели, как их толстый и ненасытный князь поглощает жирный кусок мяса.

Болеслав, набив полный рот, отложил мясо в сторону и запил водой. К вину он так и не притронулся. В молодости он потерял брата, единственного любимого им. Владивой, князь Богемии, помер именно от пьянства. Наверное, поэтому Болеслав почти никогда не пил хмельных напитков, предпочитая воду.

Пану Хостишко предстояло сообщить своему князю новости, пришедшие с Руси. Оттягивать с этим было больше нельзя, но и говорить их было нелегко. Конечно, можно было дожидаться, когда они останутся наедине, и поведать всё с глаза на глаз. Но Болеслав мог после трапезы прилечь поспать, и тогда разговор пришлось бы отложить ещё на полдня. А скоро всё Гнёзно будет знать о том, что произошло.

– Княже, пришли вести с Руси, – сказал пан Хостишко.

– Какие? Что там помер князь Владимир? Знаю. Он не был мне другом, но был достойным человеком. Он одолел моего отца, князя Мечеслава, но зла я на него не держу.

– Князь, после смерти князя Владимира Киев занял Святополк, твой зять. Он одолел троих своих братьев, лишив их жизни.

– Правильно. Я в своё время тоже расчистил себе дорогу. Так заведено – править может только сильнейший. Как говорится, одна берлога двух медведей не вместит!

– У князя Владимира был ещё один сын – Ярослав.

– Ярослав? Не знаю такого, – проговорил Болеслав, а затем рассмеялся, – у князя Владимира было столько сыновей, что если бы я всех их помнил, то забыл бы имена своих.

– Ярослав ещё при жизни князя Владимира сел править в Новгороде. Он перестал платить отцу положенную дань, и дело должно было кончиться войной.

– А так всегда и бывает, – подтвердил Болеслав, отправляя в рот большой кусок мяса и прихлёбывая его водицей, – дети – они ведь самые неблагодарные. Им всегда кажется, что родитель обязан им всем, а они в ответ могут платить предательством и прочим. Послушай, пан Хостишко, ты ведь не просто так завёл этот скучный разговор во время трапезы. Говори прямо, что стряслось.

– С Руси пришли вести, что князь Ярослав отобрал Киев у Святополка, разгромив его в сражении.

Болеслав, прожевав мясо, вновь сделал глоток воды.

– Братья всегда дерутся. Это их спор, и мне он безразличен.

– Князь, – проговорил Хостишко, – твою дочь Владиславу, супругу князя Святополка, этот Ярослав Хромец схватил и бросил в подземелье.

Услышав об этом, Болеслав поперхнулся. Два года назад князь Владимир уже бросал его дочку в темницу, нанеся ему тем самым сильнейшую обиду. Но то дело прошлое. Владимир, как-никак, был сильнейшим славянским правителем, да и Владислава сама во многом виновата. Она не понимала, видно, что её разлюбезный духовник, епископ Рейнберн, подбив её к мятежу, преследовал лишь свои цели.

– Расскажи мне про этого Ярослава, пан Хостишко. Что это за сын Владимира?

– Князь, Ярослав, как мне известно, хромой и даже в боях участия не принимает, однако его рать наголову разгромила дружину Святополка. Ярославу служит конунг Эймунд Рингссон, который приплыл к нему из Норвегии. Хромец смог договориться и с печенегами. Во всяком случае, их конное войско покинуло русские земли после поражения Святополка. Не вся Русь сейчас в руках у Ярослава, а только Новгород, откуда он пришёл, и Киев. В остальных землях

сейчас правят другие сыновья Владимира, и думаю, что они не друзья Ярославу.

– Святополк, мой зять. Он пал в бою?

– Нет, княже, Святополк бежал и сохранил свою жизнь. Как мне известно, он уже в Гнёзно, остановился в доме у пана Заглобы.

– Это ещё кто такой? А, вспомнил. Я отправлял его проводить Владиславу в Киев. Понятно, почему мой зять там остановился. Что ж, Ярослав пожалеет, что дерзнул заточить мою дочку в подземелье. Давно я не ходил в походы. Самое время!

Пан Хостишко стал смотреть в одну точку. Все присутствующие замолчали, и лишь пан Борилев, который до этого сидел молча, обратился к князю:

– Княже, надо повременить с войной. Мы и так не в самом лучшем положении.

– Повременить? Моя дочь в плену у этого... Ярослава Хромца, а ты говоришь – повременить! Собираем войско и выступаем на Киев! Я покажу сынку Владимира, как можно дерзить мне. Я вызову его на честный бой! Вот будет потеха! Толстяк будет биться с Хромцом. Пан Хостишко, думаешь, я одолею Хромого?

– Пан Борилев прав, – проговорил Хостишко, – сейчас не лучшее время для войны с Русью.

\*\*\*

Дом пана Заглобы был не очень большим. В Киеве в подобных домах бояре не жили, но в Гнёзно всё было иначе.

Пан Заглоба принял князя Святополка сдержанно. Особой радости от того, что бывший правитель Киева решил остановиться у него, пан не испытывал, но и отказать не посмел.

Князь Святополк после поражения в битве на Днепре сильно изменился. Второй раз судьба жестоко ударила его, и второй раз он решил бороться. Здесь, в доме пана Заглобы, ему, конечно, не укрыться. Да он и не собирается укрываться. Ярослав забрал себе Киев, но сможет ли он там усидеть?

Вместе с паном Заглобой, который был не женат, жил его брат пан Загеба вместе с супругой Малгожатой и дочерью, носившей то же имя.

Пан Заглоба и его младший брат Загреба сейчас были не вхожи в палаты князя, и только супруга Загребы прислуживала княжне Рыксе, супруге Мечеслава, одного из сыновей Болеслава.

Малгожата была женщиной очень благочестивой. Во всяком случае, так это казалось со стороны. Она постоянно твердила о Господе, подолгу молилась и требовала подобного и от других. Едва Святополк вошёл в дом, как Малгожата стала причитать:

– Господи, да покарай же ты этого злобного изверга, который изгнал тебя из отчего дома! Покарай его страшными болезнями! Порази его язвами и лиши мужского естества!

Святополк несколько поморщился, услышав голос Малгожаты. На короткое время ему стало не по себе от подобных речей.

– Да, проклятый Ярослав должен будет понести заслуженное наказание или в этом мире, или на небесах, – проговорил пан Заглоба, поддерживая супругу брата, – Господь с неба всё видит!

– Пан Заглоба, – проговорил князь Святополк, – в память о нашей дружбе, которая завязалась в теперь уже враждебном мне Киеве, позволь мне пожить некоторое время в твоём доме. Я встречу со своим тестем, князем Болеславом, и буду просить его о помощи.

Заглоба и Загреба переглянулись. Оба брата понимали, что нахождение князя в их доме будет немало стоить. И дело вовсе не в том, что много средств уйдёт на предоставление князю всего необходимого. Куда больше серебра потребуется, чтобы обеспечить себя как подобает. Сейчас князя встретили в лучших одеждах и на стол накрыли, словно на праздник.

– Конечно! Мой дом полностью в твоём распоряжении, – проговорил Заглоба сладким голосом, – живи в нём столько, сколько потребуется. Я рад принять тебя, князь!

После трапезы, когда князь Святополк отправился отдыхать с дороги, Заглоба и Загреба остались наедине.

– Вот так повезло нам, братец! – проговорил Заглоба. – Свалился на нашу голову этот князёк. Видно, точно по свету пустить нас хочет. Знаешь, во сколько нам сегодняшний обед обошёлся? Да можно было бы неделю питаться так! Может, к вечерней трапезе подать те же блюда?

– Можно, – задумчиво проговорил Загреба, – но ежели вскроется, то стыда не избежать. Действительно, Господь испытывает нас, послав нам такую напасть. Князь Святополк, сказывают, страшный расхититель. Чтобы уважить простой люд, он, едва сел в Киеве, приказал зататить пир. Вместе со всем городом он пировал несколько недель до тех пор, пока всю казну своего покойного родителя не истощил, а уже чтобы продолжать свои беспутства, стал отбирать серебро у братьев. Троих сгубил!

Заглоба схватился обеими руками за голову и облокотился на стол. Что говорить? Видно, беда и впрямь пришла в их дом.

– Вот что, брат, давай сделаем так. Пусть к вечерней трапезе князю подадут новые блюда, а возле нас поставят старые. Так мы хоть немного сможем сберечь наше серебро.

– А звать кого-нибудь на вечернюю трапезу будем? Всё же мы, как-никак, князя Руси принимаем под своей крышей.

Пан Заглоба засопел. Выбор был не из лёгких. Конечно же, ему хотелось, чтобы другие паны видели в нём человека, облечённого властью и силой, которому не зазорно и сына самого князя Владимира принять. Или сына князя Ярополка. Сам Заглоба особо не задумывался, кто же истинный отец Святополка.

– Давай позовём, но тогда надо будет все блюда накрывать свежими. Куда старые яства денем? Полстола не съедено. Может, отдадим их челяди?

– Чтобы они совсем обленились и за нашими спинами потешались, что они едят как паны?! Нет уж. Давай лучше свиньям.

\*\*\*

Епископ Краковский Ламберт был братом князя Болеслава. Это не означало, что они друзья, скорее напротив. Болеслав довольно-таки враждебно относился к своим братьям, кроме, пожалуй, одного – Владивоя, но тот почил пятнадцать лет назад.

Однако Ламберт не представлял для Болеслава никакой угрозы, так как принял монашеские обеты. Князь Болеслав после смерти епископа Краковского Поппона настоял, чтобы следующим епископом стал именно его брат.